

ТАМ, ГДЕ МОЛЧИТ ВСЁ СВЯТОЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГЕВЕНИ СОЛИТАС

18+

Гевени Солитас

Там, где молчит всё святое

<https://litres.ru/74448277>

SelfPub; 2026

Аннотация

АРИАДНА

Я стою на коленях перед своей кроватью, прижав лоб к холодному дереву, и шепчу молитву, стараясь не слышать женских криков за стеной.

Здесь молятся. Здесь повинуются. Здесь боятся. Здесь верят.

И я верю.

Верю до тех пор, пока однажды не начинаю замечать, что страшнее всего оказывается не то, что прячется во тьме.

Страшнее то, что называют святым.

А потом появляется он.

Люциан.

Я не знаю, кто он такой и зачем пришёл в мою жизнь, но знаю только одно: от него мне стоило бежать.

Но, судьба сама ставит передо мной открытую дверь.

Даже если за ней ждёт не долгожданная свобода.

ЛЮЦИАН

Она не знает, что я здесь. Не знает, что за ней наблюдают, и не знает, что молитвы не спасут её.

Здесь молятся.

Здесь же ломают.

Моя яркая лампада всё ещё верит и светится, сложив руки перед собой.

Я заберу её.

Не потому, что она попросит, и не потому, что мне позволят.

Я просто открою её дверь, а дальше она будет идти за мной.

Даже если не каждая открытая дверь ведёт на свободу.

Содержание

Глава	5
ПРОЛОГ	10
Глава 1. Ариадна	14
Глава 2. Ариадна	27
Глава 3. Ариадна	48
Глава 4. Люциан	61
Глава 5. Ариадна	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Гевени Солитас

Там, где молчит всё святое

Глава

© Гевени Солитас, 2026г.

ТАМ, ГДЕ МОЛЧИТ ВСЁ СВЯТОЕ

Все права защищены. Текст произведения является объектом авторского права. Любое использование материалов без согласия правообладателя незаконно и влечёт ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Внимание! Произведение предназначено для совершеннолетней аудитории. Содержание может вызывать эмоциональный дискомфорт и содержит материалы, не рекомендуемые лицам младше 18 лет.

ДИСКЛЕЙМЕР

Настоящее издание содержит художественное произведение, в котором встречаются сцены насилия и жестокости, физического и психологического воздействия, принуждения, самоубийства, религиозного фанатизма, смерти и травматического опыта. В произведении также присутствуют темы душевных страданий, утраты, зависимости, манипуляции, употребления алкоголя и табачной продукции, а также нецензурная лексика. Указанные элементы являются частью

художественного повествования и используются для раскрытия сюжета, характеров персонажей и атмосферы произведения. Они не являются призывом к насилию, жестокости, противоправным действиям, употреблению алкоголя или табачной продукции и не предназначены для их пропаганды. Автор напоминает, что жизнь является главной ценностью. При возникновении тяжелых психологических состояний, пожалуйста, срочно обратитесь за помощью.

ПЕРЕД ТЕМ, КАК ОТКРЫТЬ ОТ АВТОРА

Здесь есть Бог.

Есть молитвы. Есть святыни. Есть люди, которые преклоняют колени и называют себя Его детьми.

Но нет религии, которой я пытаюсь вам что-либо доказать.

В этой истории не существует конкретной конфессии, которую можно было бы узнать, обвинить или поставить под сомнение. Всё, что вы встретите здесь, принадлежит этому вымышленному миру.

Поэтому если кто-то из моих героев поднимает глаза к небу и говорит: «Так велел Господь», не спешите верить ему.

Господь не обязан говорить устами каждого, кто ими пользуется.

Иногда человек просто настолько сильно хочет назвать своё зло священным, что начинает слышать собственный голос и принимать его за голос Бога.

Эта книга не создана для того, чтобы оскорблять чью-либо веру. Она создана для того, чтобы показать, насколько страшным становится человек, когда берет в руки то, что считает священным, и превращает его в оружие.

Здесь Бог может быть надеждой.

Может быть последней ниточкой, за которую цепляются окровавленные пальцы.

А может быть именем, за которым прячется чудовище. Но где заканчивается Господь и начинается человек — решать вам.

И да.

Не всему, что произнесено молитвенным голосом, суждено быть услышанным на небесах.

ТЫ ВХОДИШЬ В СВЯТУЮ ОБИТЕЛЬ (триггеры)

Здесь не будет мягкого предупреждения.

Внутри — насилие, кровь, смерть, самоубийство, похищения, плен, психологическое давление, жестокое обращение с женщинами и детьми, сексуализированное насилие, религиозный фанатизм, манипуляции верой, травма, горе и сцены, которые могут оказаться слишком тяжелыми.

Здесь есть вещи, которые невозможно читать спокойно.

Есть вещи, которые хочется закрыть ладонью.

Есть вещи, после которых хочется спросить: «Где был Бог?»

Если какие-то из этих тем для вас болезненны — не за-

ставляйте себя читать дальше.

Книга никуда не убежит, а вы у себя — одни.

И помните: не всякий, кто говорит с Богом, говорит с Ним.

ПЛЕЙЛИСТ

Greg Haines — Submergence;

Desiderii Marginis - Silent Messenger;

Rúnahild - Sacral Energy;

HavocHarpa - Distressed Cherry Bass SoundCheck;

Mansfield.TYA, Rebeka Warrior, Carla Pallone - La fin des temps;

Treha Sektori - Vocerah;

Anna von Hausswolff - Theatre of Nature;

Murcof - Rostro;

Biosphere - Freeze-Frames;

Teahouse Radio - The Elsewhere Sleep;

Luke Howard, Lior, shards - Salt Flats;

Meredith Monk, Robert Een - Chinook;

Meredith Monk, Collin Walcott - Cow Song;

Grouper - Sick;

Roly Porter - An Open Door;

Raison D'être - The Slow Ascent;

Danny Norbury - This Night Is for You and For Me;

Rudi Arapahoe - To Gather Flowers;

Daniela Lalita - Trececerotres;

Audiomachine - Akkadian Empire (Paul Dinletir Remix);
Hypersonic Music, Max Cameron, Max Cameron,
Hypersonic Music - Symphonia;
L'Orchestra Cinematique - The Beast (From "Sicario");
Kings & Creatures, Si Begg, Damon Baxter - Raising Wolves;
Christophe Zurfluh - Drum Message;
Kings & Creatures, Si Begg, Damon Baxter - Deeper Than
the Dead;
Lakker - Milch;
Animadrop - PRESENTIMENT;
Jocelyn Pook - Masked Ball (1999 Extended Mix);
Sigur Rós - Untitled #9 - Smáskifa 1;
The Haxan Cloak - Mara;
Forest Swords - Shrine East;
Forest Swords - Shrine West;
Meredith Monk - Travellers 1, 2, 3;
Horror Music Orchestra - Church Choir;
ÓRI - Better Days

«Боль заставляет человека спрашивать, где Бог. Но, возможно, страшнее всего было бы узнать, что Он все это время стоял рядом и молчал вместе с тобой. И, наверное, Ему тоже было больно».

ПРОЛОГ

Хруст пожилых костей так часто, почти каждый день, слушают ушедшие души. Они спускаются на землю, чтобы поглядеть на старушку, но они не смогут сказать ей правды. Не умеют ведь.

— Ну, привет, моя девочка, — старое тело с хромотой подходит к свежему могильному камню. — Только что была у твоих родителей, всё дивлюсь, как в первый раз: чего это детей с мамками да папками не хоронят. Но уж если тела порознь, то души вместе, тут точно так.

Старушка с кряхтением усаживается на зелёную траву рядом с перепаханной землей.

Возле могилы этой всегда будет зеленее трава, а земля никогда не будет казаться старой, она будет вечно сырой, словно кто-то насыпал новой сверху, немножко. На камне вечными слезами будет сиять дата, и дата эта будет также вечно очень короткой. Четыре года — совсем мало для жизни. Четыре года — не жизнь. Четыре года — отсутствие жизни.

Где-то там, глубоко в земле, в полном одиночестве медленно исчезает тело маленького ребёнка, и в последней мечте у дитины был игрушечный большой самолёт. И пусть ребёнка больше нет, как и таких простых мечт, старушка каждую неделю покупала новый. Самолёты разного цвета и разного размера украшали серый камень, а цветы добавля-

ли ещё больше красок, чтобы точно обмануть всех вокруг. Здесь нет никого мертвого, здесь только жизнь началась, и смерть пусть мимо ходит, даже не глядит.

— Габри снова орёт ночами, — старушка снова затевает свой рассказ о любимой кошке и о её потребности стать мамочкой. — Я ей молока, рыбы, корма дорогого и объясняю, что терпеть надо, терпеть. Нет денег к врачу её тащить и облегчить влечение ее к котам уличным. Ещё и цены-то какие, тьфу!

И неоткуда взяться деньгам у пожилой женщины, когда всё уходит на бесконечные самолёты. И даже когда будут скуплены все виды и искать уже будет негде, она сядет за свой рабочий стол в старой избе и примется сама мастерить.

— Вот так вот и доживаю я, — с грустью смотрит на имя и дату, плачущие на камне.

И в глазах всё надежда искрится, что ошибка всё это, что неправда, что старческий маразм зачем-то явился и мучает старое тело. И кошка не нужна, и дом старый, и жизнь такая адская.

— Господи, за что?!

Слёзы льются из пожелтевших от времени глаз, падая на вечно новую землю, пропитав её любовью и болью, — исчезают, как и жизнь, которой никогда не будет места в несколько метров под людскими ногами.

— Я не верю... — выдыхает старушка. — Не верю, что больше не увижу тебя.

Разбитые от боли пожилые кости складываются в книжку и принимаются качаться, убаюкивая себя, успокаивая. Глухие шаги раздались за её спиной, пробуждая от транса.

— Не мучайте себя, — произнёс батюшка, что в последнее время зачастил в это место, отчего и ему, наверно, уж очень худо.

Старушка поднимается, приняв его руку как помощь, но не смотрит на святого отца, даже когда тот своей рукой-помощницей дотрагивается до её плеча.

— Она теперь с Богом.

— А если нет?

Батюшка молчит с минуту, размышляет.

— Что?

— А если она не там?

Он смотрит то на убитую горем старуху, то на детскую могилку.

— Господь забирает к себе тех, кому больше нечего делать на этой земле.

Но бабушка качает головой.

— У неё было ещё столько всего. У неё была жизнь, а это то, чего не вернуть.

И не нашлось больше у батюшки слов утешения, да и какие слова утешат при такой утрате?

Чем меньше гроб, тем тяжелее его вес.

Святой отец отступает на несколько шагов и чуть сам не падает от увиденного.

Старушка в последний раз винит себя за что-то, зачем-то, бубня:

— Прости меня, моя девочка...

А затем падает морщинистым лицом прямо в вечно свежую землю.

Она не встаёт и больше никогда не встанет.

И для кого-то это окажется болью, но для неё — освобождением. Ведь она найдёт свою девочку, свою маленькую внучку где-то там, в руках Бога.

Но что же будет, когда она её не отыщет...

Глава 1. Ариадна

Удар хлыстом рассекается не только по телу отступницы Божьей, но и свистит на весь коридор, от чего даже двери содрогаются.

— Пожалуйста! Нет! Сестра, прошу, я случайно задремала, случайно! — слышится визг, схожий со свинным.

Думаю, это Эва, хозяйка голоса, пропитанного ужасом. Она снова уснула, позабыв о начале ночной молитвы.

Несчастливая Эва... Живого места нет на её плоти, вся кожа в пёстрых красках.

Я резко сажусь на колени и, приложив лоб к своей кровати, стараюсь настроиться на молитву, но только в ушах жуткий женский крик, терзающий что-то внутри грудной клетки.

Когда истошный визг сменяется хрипами, я понимаю, что сестра её душит, и, закрыв уши руками, начинаю молиться Богу нашему единому, покачиваясь, чтобы убаюкать свою тревогу.

* * *

— О Великий Хранитель, держащий в своих руках незримые нити судеб и созидающий миры из вечной тьмы. Взываю к Твоей милости сквозь сгущающийся сумрак вокруг меня и прошу лишь об одном: обрати свой взор на мою душу. Стань моим щитом и невидимой бронёй в час, когда рушатся стены. Убереги меня от жестокости, боли и всепоглощающего зла. Пусть Твой незримый свет направляет меня по самым тёмным дорогам, не позволяя оступиться, а Твоя сила хранит меня от предательства и скрытых угроз. Не дай угаснуть надежде в моих глазах под ударами судьбы и укрой меня под своей сенью, даруя покой и защиту моим дням и снам.

Я поднимаюсь с колен, опираясь ладонями на свою скрипучую кровать. Свече нужно догореть даже после окончания ночной молитвы.

Сестра Мариам говорит, что полночь — время, когда истончается грань между мирами. Эта грань для нас опасна, и мы должны усердно молиться, чтобы Господь встал возле нас, защитил, отвёл всю нечисть от нас, смертных.

Мои глаза закрываются, поэтому я стараюсь пальцами раскрыть веки, расхаживая по своей комнате.

Я рада, что живу одна.

Место, в котором я живу, зовётся приютом для женщин, чьи стены готовы принять плоть женскую, что оказалась в

беде и несчастье.

Здесь много спальных мест, но в основном в комнатах живут от двух до четырёх человек. Я слышала, как сестра Мария ругалась с сестрой Мариам, чтобы у меня была своя комната, и говорила, что я её заслужила. Одиночество и раздумья в тишине мне во благо.

Мои родители пришли к Богу после ухода в огне, когда мне было всего четыре. Горела машина, горело всё, но пламя не коснулось меня, лишь ущипнуло за запястье и попросилось, оставив свой след в виде обожжённого кольца вокруг моей детской руки. Сейчас мне уже двадцать три, а кольцо словно и не угасало.

Лиа и Джиджи всегда шепчутся за моей спиной, что я дьяволом мечена. Они младше меня на несколько лет, но не имеют права так говорить обо мне. *Они всё дальше от Бога.*

Сестра Мариам считает, что нет никакой метки, мне, ребёнку, просто очень повезло. Она говорит, что я не имею права находиться одна и размышлять. Но сестра Мария, возрастом старше всех душ, обитающих здесь, точно знала, что Господь меня сберёт и жизнь моя имеет большую цену. Имеет путь и будущее.

Мне нравится сестра Мария.

— Пусть Господь будет с тобой до последнего вздоха, раба Божья Мария, — шепчу себе под нос так, чтобы только Господу было слышно.

Спасибо, что я жива и что есть крыша над головой, кусок

хлеба и вода колодезная. Но мне так тоскливо.

Ни в одной святой книге не сказано, что телефоны запрещены верой или Самим Всевышним, но за толстыми стенами нашего приюта при монастыре правила устанавливает не небо, а люди.

Мы больше не спрашиваем об этом, чтобы не увидеть грех сестёр. Их злость и то, как они напоминают нам, что батюшка велел жить разумом, чистыми мыслями, не впускать соблазны внешнего мира и зависимость через экран.

Я бы спросила у него разрешения, пообещав усердно молиться за каждый взгляд на эту вещь. Но нас выпускают только по воскресным службам и в сопровождении лесничего монастыря — Гарри.

Во время службы нам нужно молчать, и мы не имеем права говорить с батюшкой. Но если он голос Господа на земле, а Сам Господь любит нас, почему я не могу сложить ладони перед ним и обратиться со всей душой, верой и любовью к нему?

После окончания воскресного таинства Гарри всегда уводит одну из девушек с собой, прежде чем повести нас обратно в приют. Вокруг нас лес, а от нашего приюта до монастыря около полутора миль.

Куда он водит женские души?

Последний раз я видела, как он вёл в противоположную сторону от приюта Анну. Ей совсем недавно исполнилось восемнадцать. Когда Гарри вернул её, она плакала ещё две

недели, захворала и не ходила на службы.

Потом Анна повесилась.

Согрешила, попытавшись прийти к Богу нечестным путём. Но она точно знала, что к Нему она так не попадёт. И я знаю, что белокурая девочка с небесными глазами и белой кожей точно не виновата.

Это не её грех.

Мне не нравится Гарри.

В его рту всегда слёзы, а руки сложены ниже пояса в замок, но меня он сторонится, оббегает, мысленно перешагивает. Думаю, он услышал осквернение белокурой Лии и Джиджи.

Я не Дьявола душа и плоть.

Я Господа.

Свеча догорела, слушая мои мысли. Паук в углу потолка моей комнаты начал охоту, а молитва для моей защиты была услышана Всевышним, как и всякий раз.

Я сажусь на кровать, мои босые ноги отрываются от деревянного пола. Мне очень хочется спать, но почему-то я всё ещё смотрю на серые, неудобные, бетонные стены своей обители.

Я слышала, как сестра Мариам рассказывала Гарри, что её дочь рисует картины яркими красками и вешает их на стены своей комнаты. Какие высокие оценки она приносит из школы и как поедет в выходные дни плавать в кристально чистом озере со своими друзьями. С ней будут даже мальчики.

Её дочь не от Бога?

Может, и нам когда-то разрешится?

Я бы очень хотела.

Я распутываю свою длинную тёмно-русую косу, снимаю растянутую резинку и кладу её на тумбу возле кровати. У меня нет сил даже расчесать волосы.

Мои рыжие веснушки начинают выцветать, их тоже охватывает тоска. Длинные чёрные ресницы с каждым днём становятся короче. Ярко-карие, огненные глаза давно потухли, а на губах проявилась старость, сухие морщинки и трещинки.

Я часто грешу на купальню, что это колодезная вода портит нашу внешнюю оболочку. Батюшка говорит, что она освящена, но, думаю, недостаточно.

В последнее время я редко ем, но худеют лишь мои руки и ноги. Бёдра, спина и женская сила всегда остаются крупными и налитыми. В них вся энергия для пути деторождения, но я ведь уже взрослая, а кроме Гарри и бабушки никого не видела.

Есть у меня одно воспоминание.

Я набирала воду из колодца прямо за деревянным забором нашего Приюта, а мимо меня медленно ехал путник на крупном чёрном жеребце. Моё сердце сжалось, и я выронила ведро с водой на землю, которая жадно впитала случайные дары.

Светловолосый, широкоплечий путник спрыгнул с коня,

чтобы помочь мне снова набрать святой воды. Он долго извинялся и спрашивал меня, как добраться до ближайшей деревни.

Но я ему не ответила.

Нам нельзя говорить с незнакомыми людьми. Они могут прийти с нечистыми намерениями, с грехами. Господь всё видит, и мы будем наказаны.

Сестра Мариам оттащила меня за волосы, назвала грязной, избила прутом по спине, и всю ночь я провела стоя на коленях в длинном коридоре и извинялась перед небом. Перед Отцом. За свою неверность Ему.

Алые пятна пропитывали спину моей белой сорочки, а чистые слёзы становились мутными от грязи на лице. Сестра Мариам размазала землю по моим щекам, чтобы я познала и ощутила свои действия.

Мне было так больно.

Так больно.

В мои мысли врывается скрип двери. Я поворачиваю голову и замечаю Марту, которая тихо крадётся в мою комнату и закрывает за собой дверь.

— Марта! — кричу я шёпотом.

Несмотря на толстые бетонные стены, звуки отдаются эхом по всему приюту.

— Уже поздно, тебе нельзя здесь быть!

— Я знаю, Ариадна. — Марта на цыпочках крадётся к моей кровати и садится рядом со мной. — Видит Господь, я не

хочу обманывать. Я кое-что слышала, и мне стало так дурно. Если я расскажу тебе, поклянись, что никому не скажешь.

Она берёт меня за руки. Её чёрные волосы прикрывают тёмные глаза, но я всё равно вижу в них тревогу.

— Клянусь.

Марта выдыхает, её плечи опускаются, а руки трясутся и выскальзывают из моих, обнимая колени своей хозяйки.

— Сегодня уже суббота, знаешь же? Ещё одна ночь, и мы отправимся на службу. Я слышала, что Гарри выбрал меня. Он хочет увести меня с собой. Девочки не говорят мне, зачем Гарри утаскивал их. Они молчат, поджав губы, и грубо отворачиваются от меня.

— Боже...

Моё сердце хочет вырваться из груди.

После ухода Анны Гарри никого не трогал две службы, а значит, две недели точно.

Что же ему, старику, надо от нас?

— Господи, защити меня. Я не хочу идти с ним. А что, если он бес? Скрывается в плоти шестидесятилетнего мужчины, чтобы взывать к себе неверных, как Анна?

— Анна верила в Бога! — перечу я.

— Но ушла она со страшным грехом. Она знала, что не заслужит быть рядом с Отцом нашим. К кому же ей тогда идти?

Надо что-то придумать. Надо избежать этой судьбы, обойти её, обмануть.

Я нахожусь в чистом Божьем месте, но тут грязно. Одна грязь.

Грязь. Грязь. Грязь.

— Марта, вот что... — я кладу свою руку на её костлявое плечо. — Ты не иди с ним. Скажи сестре Марии, что ты захворала: пот холодный льётся ручьями, дышать тяжело. Она добрая. Она оставит тебя в комнате.

— Не получится, Ариадна. Я слышала, как сестра Мария меня предлагала, прежде чем Гарри сделал свой выбор. Она рассказывала ему о моих родинках, толстых локонах, острых коленях и рёбрах. — Марта показывает руками на своё тело. — Мне очень страшно.

Я серый, тусклый и поникший человек. Но в последнее время эти стены и люди вызывают во мне злость.

Неужели сестра Мария может быть склонна к тьме, умываясь по утрам священной водой?

Меня она бережёт, даже бывало волосы заплетала в косы и гладила руки.

— Будет хуже, если нас поймают. Иди в свою кровать, а завтра мы придумаем что-нибудь. Я обещаю тебе.

Марта крепко обнимает меня, а я — ещё крепче. Она единственная, кто стала мне другом здесь. Делилась хлебом, танцевала со мной и доверяла свои секреты.

И сейчас я чувствую, что Отче наш против страха Марты. Он против Гарри.

Я должна что-то сделать.

Но что я могу?

Марта не сказала мне ни слова и, выскользнув из моих объятий, выскочила мышкой за дверь.

Я бы хотела укрыться грубым одеялом и крепко-крепко уснуть, но мысли о моём друге тревожат меня. О чём они, мои мысли, я и сама не знаю, но что-то очень страшное сидит в них, и страх этот уверен в том, что произойдёт что-то очень плохое.

Резкий звук за моим окном, похожий на треск сухой веточки, заставляет меня развернуться всем телом и свесить ноги с другой стороны кровати, а за этим звуком наступает тишина. Только моё тяжёлое дыхание и встревоженное сердце громко кричат от испуга.

Я медленно слезаю с постели, и мои ноги касаются холодного пола. Глаза бегают по всему окну, стараясь что-то в нём увидеть, но удаётся лишь разглядеть чёрные поржавевшие решётки, грязное стекло и глубокую темноту.

Жуткое предчувствие падает на колени перед любопытством, принимая поражение владыки. Я мраморной тишиной крадусь к тому, что лишило меня царства сна, но, как только оказываюсь у старого потрескавшегося подоконника, всё моё тело становится неподвижным камнем.

Кто-то стоит за нашим маленьким деревянным забором. Кто-то высокий, крупный, любопытный... Он точно тень, которую я бы и не разглядела, если бы яркие звёзды с луной не осветили её.

Острое чувство страха впитывает в себя желание распахнуть деревянные, скрипучие ставни, как будто это поможет мне точно разглядеть *это нечто*.

Мои руки без командования моего разума поднимают ручки и открывают проводник тьмы, чтобы она смогла вползти в мою комнату. Ничего не изменилось. Та же чёрная фигура, тот же силуэт, то же спрятанное ночью лицо.

Я смотрю на него уже достаточно долго, чтобы поверить в свой бодающийся разум, который выдумывает всякие странности.

Но этот кто-то резко срывается с места и быстро уходит вдаль, глубоко в лес, где ему не осветят дорогу даже звёзды. И даже если совсем чуть-чуть.

Глава 2. Ариадна

— Господь Отец, Владыка предрассветного неба и Судья спящего мира. Мой разум пробудился в этот холодный, глухой час, когда тьма ещё цепляется за землю, и я возношу к Тебе свой мысленный голос. Взгляни на меня сквозь сырые сумерки этого зала. Укрой мою слабую женскую плоть от тяжести наступающего дня, от злых помыслов и чужой жестокости, что подстерегает за каждым углом. Очисти мой дух от ночных страхов и кошмаров, даруй мне невидимую броню против скрытых угроз и не дай моей воле сломиться под ударами судьбы. Проведи меня незримым путём сквозь этот бесконечный час покорности и сохрани тлеющую надежду в моей груди, пока солнце не рассеет туман. Да будет так.

Трясущиеся ноги поднимают моё тело, а голова валится вперёд.

Звон колоколов прозвучал на половину леса. Нас подняли на утреннюю молитву. Сейчас около пяти утра, и даже сквозь металлическую решётку на окне можно разглядеть дуэт тьмы и тумана. Холодно, но ночь уже на исходе.

Я не знаю, сколько минут мне удалось поспать, но точно не часов. Даже одного часа не было. Так чувствуют моё тело и разум.

Силуэт чужака вводил меня в раздумья около часа, но то был не страх, а странный интерес. Но не спалось мне не из-

за него. Я всё думала о своём друге. *О Марте.*

Гарри возвращает девушек домой с другими лицами, с другими чувствами, с другой жизнью.

Неужели моя Марта тоже изменится?

Ей же всего девятнадцать, и она ещё не прочувствовала себя до конца.

До завтрака около трёх часов, но спать нам нельзя.

Очень обидно.

Сейчас у нас водные процедуры, чтобы смыть ночные грешные мысли. Я достаю из прикроватной тумбы вафельное серое полотенце. Когда-то оно было белым, но прошло уже почти четыре года с тех пор, как оно было предложено мне.

Слегка пошатываясь, бреду по широкому длинному коридору, а затем сворачиваю влево, в более узкое, но такое же длинное помещение. Здесь мы купаемся.

Эту комнату не отличить от моей обители, от столовой или от зала. Разве что здесь стоят деревянные корыта и вёдра с водой по углам. Мы с остальными девочками решили наливать воду поочерёдно. Два дня одна половина комнат, два дня — другая.

Спасибо, Господи, что в столь тяжёлое утро уберёт меня и от тяжести колодезной.

Есть несколько раковин, бетонные стены со шлангами и дырки в полу. К нам течёт вода из большого Монастырского колодца, но её обычно очень мало, а по утрам она особенно

холодная.

— К мышинной жизни склоняешься? — раздаётся женский бас за моей спиной. — Ты должна была постучать ко мне. Отвечай через меня Господу, что задумала?

— Сестра Мариам, простите меня, — устало, со всхлипом шепчу я. — Голова туманная, ночь была тяжёлой, и я совсем забылась, когда направлялась сюда.

— Тьма нечистая ночью крутила? — Мариам с ненавистью нажёвывает свою морщинистую губу.

Ей всего тридцать девять, а выглядит она старше, чем сестра Мария, которой пятьдесят три.

Тожe водица колодезная?

— Не крутила. Видит Господь, мой разум чист после утренней молитвы. Верую в Него.

— Раздевайся.

Сестра Мариам встаёт в угол комнаты и смотрит мне в глаза. В помещение заходит ещё одна девушка. Мы незнакомы с ней, ни разу не разговаривали, но я знаю, что её зовут Элиза и около пяти служб назад она была с Гарри.

— Доброе утро, сестра Мариам, — кивает она, а потом смотрит на меня. — Доброе утро. Господь с тобой.

Я скидываю с себя сорочку, полностью обнажая свою плоть.

В наш душевой блок продолжают заходить жительницы этих стен, желая друг другу ясного пробуждения и Господней защиты. Мы стоим чистые, открытые, живые, каждая вы-

брав себе корыто, ведро или шланг.

— У вас пять минут, — громко отчеканивает сестра, под чьим надзором мы находимся.

Наша женская оболочка не имеет права на тайны — как мы смываем грязь, натираем кожу и волосы мылом, скользим по сокровищу плоти.

Ледяная вода прорастает в тело, и некоторые участки кожи лишь отдают болью, но не чувствуются. Онемели.

Я не специально оглянулась на Элизу. На её спине, от лопаток до поясницы, белеет полоса. Жирная, выпуклая, как земляной бугор. Это шрам, который когда-то был очень глубоким.

Чувствую кожей, как сестра смотрит на меня, поэтому быстро отворачиваюсь и смотрю в бетонную стену, смывая с себя липкое, ничем не пахнущее мыло.

Господи, прости.

Когда я вернулась в комнату, мне так хотелось лечь под колючее одеяло и уснуть долгим сном. Возможно, даже вечным.

Отец, прости.

Вторая половина приюта сегодня намывает коридоры, зал и столовую, но каждый из нас сам хозяин своих спальных мест.

Я залезаю рукой в деревянную коробку и нащупываю старую тряпку, которая обычно лежит рядом с моим полотенцем. Окунув кусок грубой ткани в маленькое ведёрко с ле-

дяной водой, я начинаю стирать пыль с поверхностей.

Сводит руки. Мои пальцы не могут полностью разогнуть-ся, почти превратившись в лёд, а боль пронзает руки почти до локтей.

Проведя тряпкой по крышке тумбы, я подхожу к шкафу и хочу протереть ручки, но ткань выскальзывает из моих рук и падает мне на пальцы ног.

Чтобы и им было холодно.

Чтобы и им было больно.

Не могу. Мне уже невыносимо.

— Господь Отец, прости мне мою слабость в этот час. Я знаю, что должна навести порядок в своей комнате, но у меня совсем нет сил. От этого леденящего холода мои руки сводит судорогой, и каждое движение приносит лишь боль. Прости, что я поддаюсь немощи и не могу превозмочь себя. Услышь мою молитву, согрей мою уязвимую женскую плоть и даруй мне каплю Твоего терпения, чтобы пережить эти страдания. Да будет так.

Я откидываю тряпку ногой и чувствую, как разрастается грех внутри меня. Злость. Обида. Ненависть?

Начинаю нервно дуть широко открытым ртом на свои пальцы, а моё тело не прощает мне действий, к которым меня побудил собственный разум.

Но это не мой выбор.

Мы читаем молитвы о свободе, о праве, о сладости жизни, но только жизнь горькая, грязная, чужая и тоскливая.

Я думаю, что Господь должен всё знать через батюшку.

Или Он знает, но не может никому сообщить?

Дверь в мою комнату резко открывается, почти с треском ударяясь о стену.

— Ариадна?

Передо мной стоит сестра Мария, а в руках у неё что-то большое, прямоугольное и серое. Она обнимает этот предмет, значит, он очень хрупкий.

— Сестра Мария, простите меня! Я не могла больше натирать комнату. Руки ноют, без сил валяются вдоль тела. Я попросила покаяния у Отца нашего, и через Вас прошу. Завтра мой день повинности, и я принесу своё искупление.

Кажется, сестра и не заметила бы моего уклонения от должного дела. Она смотрит на тряпку, на мои скрюченные пальцы, а затем на меня.

Она улыбается?

— Ариадна, детина Божья... — она подходит ко мне и кладёт руку на плечо, слегка задевая мои мокрые волосы. — Главное, что ты обратилась к Господу с искренностью и готовностью к искуплению. Ты, конечно, прощена. У меня есть кое-что для тебя.

Сестра Мария разворачивает предмет в своих руках и протягивает мне.

— Только аккуратнее, легонько бери. Легонько!

Это... Это зеркало!

Вот это да!

— Господи, спасибо. Спасибо, сестра Мария. За что мне эта милость? Неужто заслужила? А у кого из девочек ещё такие есть?

Сестра хрипло смеётся.

— Только у тебя, Ариадна. Только у тебя. — Она делает шаг назад и хмурится. — Только не смей гордыней исходить!

— Нет-нет, что Вы? Великий грех...

— Будешь расчёсываться и прихорашиваться. Уже взрослая, а лоно твоё — дар Божий. Не должно угасать, не загоревшись.

Меня обдало новой волной холода. Только не вода это была, а страх. Животный страх. Я вспоминаю о Марте.

— Определена ли уже судьба моей плоти? Вы нашли того, кому я стану верной супругой?

— Нет, ещё подожди. Зеркало — чтобы в привычку вошло, но очень скоро примут тебя под своё покровительство.

Сестра Мария кивает мне и выходит из комнаты. Я только сейчас осознаю, для чего большой гвоздь в стене напротив моей кровати.

Вешаю зеркало за плотную связанную верёвку и смотрю на себя. Провожу ладонью по своим волосам, обвожу пальцами острые ключицы, спускаюсь ниже.

Краснею.

Каким он будет?

Сестра Мария напугала меня.

Почему именно ко мне она так добра?

И самое главное — почему она поступила так с Мартой?

* * *

За завтраком мы не смогли поговорить с Мартой. За вытянутым широким столом, напротив нас, сидели сёстры. Нам нельзя говорить во время еды, поэтому мы лишь отмолились и сплели руки под столом.

Я сделала пару глотков зелёного чая, но вкус его был ужасен. Марта из-за стресса выпила его за пару глотков, но вот есть овсяную крупу на воде не стала.

Гарри разжигает большой костёр из сухих брёвен и веток, а Лиа и Джиджи косо смотрят на меня и перешёптываются.

Да пошли вы.

Прости меня, Отец. Ты им судья.

— Время танцев! — кричит лесничий.

Келарь и наши сёстры начинают напевать мелодии. Гарри отбивает себе ладони, звонарь играет на старой колёсной лире. Брат-служитель сидит в тени, вдали от пламени, и его сильные руки бьют в кожаный бубен. Прибившийся слепой бродячий музыкант прижался к своей флейте из кости.

Что это, если не гипноз? Если не ловушка?

Ноги сами шагают к костру, и я перестаю себя контролировать. Мы берёмся за руки вокруг живого пламени из брёвен и начинаем хоровод.

Моя душа истощена, под глазами появились налитые выпуклости, но я продолжаю танцевать, перебирая ногами и заывая вместе с остальными женскими душами. Смех проно-

сится кругом над верхушкой приюта и возвращается к костру.

Я на мгновение поворачиваю голову и смотрю на Марту. Она заливается смехом. *Чужим*. Марта смеётся так громко, так широко, что улыбка кажется неестественной, а звук — истерическим. Из её глаз ручьём течёт вода.

— Мне так хорошо, Ариадна! — она замечает мой взгляд.
— И тебе хорошо, я знаю!

Я нервно оглядываю девушек. Из их ртов доносятся такие же звуки, а реки из глаз растекаются по платьям из старых тканей.

Меня съедают капли холодного пота и становится тяжело дышать.

Я мельком смотрю на сестёр, которые напевают высокие мелодии. Их глаза впиваются в моё лицо, щёки, губы, глаза и я улыбаюсь, чтобы не выдать свой немой вопрос.

Господи, что с ними всеми?

Предыдущие пляски не были такими тревожными.

Мы кружились ещё очень долго, почти вечность, прежде чем всех девушек не вырвало на сухую, обгоревшую кору, сложенную возле костра. Я пищу себе под нос от испуга, но продолжаю стоять на месте, и именно это приводит к тому, что я собираю на себе все дьявольские взгляды.

Сёстры, Гарри, приглашённые — все смотрят на *меня*.

Мне тяжело дышать, а позеленевшие девочки покрываются чёрными пятнами.

— Господь Отец... Тьма забирает меня. Убереги мою беззащитную плоть, стань моим щитом... Не оставляй меня

здесь одну. Пожал...

* * *

Мои веки неподвижные, каменные.

С Божьей силой я открываю глаза свои, пытаюсь отыскать влагу под сухим языком. Белый потолок, расписанный иконами, с разбросанными повсюду зеркалами и в каждом из этих зеркал — моё тело. Я лежу на бетонном полу среди скамей, а спину мою пытается согреть тонкий кусок грубой синей ткани.

Я сглатываю сухую боль в горле.

— Господь Отец, Владыка тайных путей и Хранитель потерянных душ. Обращаюсь к Тебе сквозь сковывающий меня страх и неизвестность. Я не знаю, куда занесла меня судьба, какие стены держат мою слабую женскую плоть и какие опасности затаились в этой глухой темноте. Но в этот сумрачный час, когда всё вокруг зыбко, я упрямо держусь за свой разум и остаюсь верна вере в Твою милость. Мой дух не сломлен. Стань моей невидимой бронёй и щитом против незримых врагов. Не дай панике ослепить мои глаза, очисти мысли от леденящего ужаса и укажи дорогу к спасению. Укрой меня под своей сенью и преисполни меня стойкости, ведь Ты — моя единственная опора там, где нет человеческой помощи. Да будет так.

— Господь слышит тебя, Ариадна, — течёт по стенам эхо низкого мужского голоса. — Он *любит* тебя.

Я отрываю свои конечности от пола и приподнимаюсь.

Смотрю по сторонам и слева, рядом со входом в скрипториум, замечаю святого отца.

— Приветствую Вас, святой отец.

Я вытягиваю своё сгорбленное тело, пытаюсь упрятать слабость и боль перед батюшкой. Мне хорошо помнится весь тот ужас, что произошёл, но не помню, как оказалась здесь. Тело болит так, будто я сама была дорогой для хоровода.

Я не могу ничего сказать и спросить не могу. Для нас это строгий запрет, поэтому я просто поджимаю губы и смотрю на фигуру в чёрном, которая медленно приближается ко мне.

— Отец Иеремия, — громкий шёпот пробегает вдоль моего позвоночника.

Я вопросительно поднимаю брови и замираю, когда он останавливается прямо передо мной. Наши носы почти соприкасаются, а ростом он чуть выше меня.

Я не знаю, какая я. Но год назад сестра Мария сказала мне, что я примерно два аршина и шесть вершков. *Или просто шесть вершков? Я не знаю, что это.*

— Ты можешь звать меня отец Иеремия.

Я сглатываю воздух и чувствую ещё большую боль. Горло пересохло, и обычный вздох кажется испытанием.

— Как ты себя чувствуешь, дитя Господа?

Мне нечего ответить. *Нет, мне есть что ответить, но я не могу.*

— Открой рот, Ариадна, — почти тихо шепчет отец Иеремия.

Меня трясёт, и я не испытываю чувства доверия к нему, хотя это и противоречит всему, чему нас учили. Я должна чувствовать себя хорошо и спокойно.

Открыв рот, к моим губам тут же подносится металлическая чаша со святой водой. Я жадно пытаюсь поймать каждую каплю, всё ещё держа руки вдоль туловища, не мешая батюшке. Вода уже не кажется мне ледяной.

Он убирает чашу, и я смыкаю губы, боясь, что лишняя капля выползет наружу.

— Открой рот, Ариадна.

Меня лихорадит или я просто в бреду? Мне бы хотелось выпить ещё, потому что чаша лишь слегка смочила моё горло.

Я снова открываю рот.

— Господь любит тебя, Ариадна.

Отец Иеремия бросает чашу на пол и проводит ладонью по моей щеке.

Его большой палец обводит мои губы и залезает в мой рот. Затем указательный, а за ним и средний. Он проводит подушечками вдоль моего языка, вокруг, под ним, и его пальцы выпрямляются, влезая глубоко в горло, совсем не давая возможности вздыматься грудной клетке.

Его кожа имеет солоноватый привкус, отчего меня начинает тошнить. Он двигает рукой вперёд и назад, ускоряя темп, и тяжело дышит мне в лицо. Лоб батюшки вспотел, а из глаз моих начинают течь слёзы.

Господь Отец, защити мой разум, пока мою плоть предадут скверне... Стань моим щитом, закрой мои глаза от этого ужаса. Умой мою душу, не дай мне сломиться под его руками. Услышь меня, пожалуйста... Да будет так.

Святой отец вытаскивает пальцы, протягивая за собой нить слюны, и засовывая их в свой рот, он смотрит мне прямо в глаза.

Его взгляд не милостивый, не нежный. Он плотный, тёмный, злой. Пожилая пасть издаёт мерзкие звуки, пока морщинистые старые губы смыкаются и выпячиваются в попытках не упустить ни единой капли.

— Сладкий сок твоего смирения, дитя моё... Твоя девическая плоть источает самую покорность, и Господь Отец благословляет этот вкус. Всякий плод в Его саду должен быть

испит Его наместником, чтобы познать истинную чистоту. Запомни эту сладость на своих губах, Ариадна. Теперь ты принадлежишь этой обители не только духом, но и каждым глотком своего существа.

В завершение своих слов он грубо хватает меня за левую грудь и с нечеловеческой силой сжимает её, чтобы мои перси вспыхнули от осквернения.

Во мне что-то сломалось.

Изо всех сил я упираюсь руками в его чёрную рясу и бегу вперёд, отталкивая святого отца прочь от себя. Я бегу к высоким и массивным дверям, а когда достигаю их, оборачиваюсь и смотрю отцу прямо в глаза.

— Вы не Его голос. Вы — Тьма!

Рванув со всех ног, я стараюсь даже не замечать тьму, бегущую за мной. Она не хочет догонять меня, она хочет преследовать.

Я падаю, рву свою кожу, рассекаю ладони о дары необъятного леса, но снова поднимаюсь и бегу с новой силой, истерически бубня себе под нос:

— Господь Отец, не дай мне упасть, не дай им поймать меня. Молю Тебя, скрой мою бегущую плоть в густых тенях этой ночи, стань моим щитом от преследователей. Укрепи мои ноги, даруй сил моим лёгким и не дай страху ослепить мой разум. Путай их следы, гаси их фонари, вели ветру заглушить хруст веток под моими ногами. Пусть этот мрачный лес станет мне укрытием, а Твой незримый свет укажет тро-

пу к спасению. Я вырвалась из оков, я нарушила их запреты, но мой дух верен Тебе. Сбереги меня, Господи, укрой под своей сенью и уведи прочь от этого проклятого места. Пожалуйста, да будет так.

Мои слёзы пытаются удержаться на щеках, но ветер грубо хватает их и отрывает от меня.

Из-за скорости и головокружения я не заметила, как пробежала мимо Гарри, стоящего у колодца приюта. Открыв тяжёлую, чёрную, массивную дверь в уши влезает мерзкий, липкий, дьявольский смех за моей спиной.

Пролетая мимо чужих комнат, я снова спотыкаюсь, из-за чего мой громкий крик пропитывает бетонные стены.

Забежав в свою комнату, я бросаюсь на кровать и, сворачиваясь калачиком, накрываюсь колючим одеялом. Я сдерживаю ком боли в груди, позволяя себе слабость лишь в тихих всхлипах, пока вода из глаз впитывается в перьевую подушку.

Я перестаю дышать, когда слышу скрип двери своей спальни и прижимая колени к груди, совершенно забываю о боли.

Слышен только стук моего сердца. Как оно шепчет мне, что не остановится, как бы я того ни хотела.

Дверь закрывается.

Тишина.

— Господь Отец, Владыка тишины и Повелитель ночного неба. Обращаюсь к Тебе на исходе этого дня и прошу о покое

для моей души. Очисти мой разум от плохих мыслей, тревог и суетных страхов, что тяготят меня в этот час. Утиши моё сердце, даруй мир моей уставшей плоти и укрепи мой дух. Благослови мой сон, сделай его глубоким и безмятежным, убереги мои ночные видения от зла и кошмаров. Вверяю себя Твоему милосердию и защите до самых первых лучей рассвета. Да будет так.

Должно быть так.

Мои мысли смягчаются, а шум в голове перестаёт терзать меня, но внезапно с моей головы срывают одеяло, и оно убегает от меня к грязным ступням.

Я только успеваю округлить глаза, как чьи-то руки хватают меня за волосы и, словно прогулочной верёвкой, тащат по полу. Из меня вырывается горький стон, когда вся моя спина с глухим ударом падает на пол. Боль слегка подъедает лопатки, скользит по позвоночнику и цепляется мёртвой хваткой за копчик.

— Мелкая дрянная паскуда. От своего Покровителя удумала бежать? От Святого отвернуться? Ну ничего. Приторная ты для всех девка, для меня — горькая, а значит, и жалеть тебя я не стану.

Скрипучий, зловещий и жаждущий мучений голос сестры Мариам я узнаю всегда. С самого первого слова.

Я всхлипываю, когда она ставит меня на четвереньки в самый дальний и тёмный угол нашего длинного коридора.

В одной её руке — грязная морковка, которую моют и чи-

стят для супа, а в другой — толстая плетёная верёвка, которую я видела на шее Нины из соседней комнаты.

— А ну, раздётся!

Сестра умеет кричать шёпотом, чтобы никто не услышал. Чтобы никто не помог и не дал волю своей милости ко мне.

Я утираю рукавом сорочки слёзы, смешавшиеся с соплями, под причитания сестры Мариам о том, что я мерзкая скотина. Длинная лёгкая ткань падает на пол рядом со мной.

— Рот открывай.

Мои губы неуверенно размыкаются, и я сглатываю ком сухости, до боли царапающий горло. Я успеваю сделать лишь один вдох, прежде чем грязный овощ оказывается у меня во рту, разрывая его своим размером. Кулак сестры, словно кувалда, вбивает морковь глубже, прямо в глотку. Мне хочется стошнить, но ещё сильнее — выть от боли. Нос почти не втягивает пыльный воздух из-за стекающих соплей, а зубы впиваются в оранжевый овощ, словно навеки заточая его внутри меня.

Мои дрожащие руки и ноги стягивает грубая верёвка Нины, а грязная подошва пинает меня в бок, заставляя тело не выдержать собственного веса, и я валюсь на спину.

Есть страшное предание о тонкой черной веревочке. Тело её — кожа, а суть её полна боли. Плеть не гладит, а бьет. Нет нежности и ласки, есть боль и жжение.

И миф этот — совершенная правда в руках сестры Мариам.

Она легким движением поднимает руку, в которой плотно сжата черная плеть, и так же легко, без малейшего веса сострадания, опускает свою веревку наказания.

Боль такая разная...

Сейчас она не жжет сразу мой живот, она дает почувствовать и ощутить ледянящий холод. Жгучесть мороза тут же съедается жгучестью властного огня.

— Раз! — кричит сестра Мариам, совсем забыв о своем контроле над собой, пока я лежу на спине, не в силах развернуться и принять ее удары. А сил нет то ли от боли физической, то ли от боли душевной.

И раз был, и второй был, да и много-много было.

Сестра Мариам очень жадная, поэтому бережет остальную мою кожу, предпочитая бить по одному и тому же месту.

Если со всей силы закрыть глаза, то может показаться, как будто кто-то шустро прорезал плоть мою, а затем осторожно водит там пальцем, иногда забыв о своей аккуратности и погружая его глубже, чем следовало.

Сестра застывает, а мои уши сквозь глухоту слышат громкий топот.

— Чего ж ты творишь, пустоголовка!

Мои плечи содрогаются, хоть я и запретила своим слезам выбираться наружу и показывать себя во всей красе. Но слезы счастья и легкости так редко появляются, что мне совсем не приказать им сидеть тихо.

Голос сестры Марии помогает мне перевалиться на бок и

поблагодарить Господа за Его спасение её руками.

— Нельзя, запрещаю! — я слышу, как содрогается от зло-сти голос сестры Марии.

— Не трожь мою веревку! Ты мне запрещать вздумала?

— Не вздумала, а имею право. Моя голова первая пока-тится с плеч, если что-то лишнее останется на ней без его ведома!

Мне очень хочется попросить о свободе своего тела, но всё, что я могу сделать, — это всхлипнуть перед тем, как уйти в принудительный сон, не доходя до своей комнаты.

Глава 3. Ариадна

Семь утра.

Колокол звучит иначе.

День воскресной службы, а значит, Марту утянут за собой ранним утром.

Но кто вернётся вместо неё в наш дом? Вернётся ли? Дорогая Марта...

— Господь Отец, умоляю, обрати Свой взор на Марту. Защити её хрупкую плоть от жестокости этого места, стань ей щитом в темноте и не дай сломить её дух. Сбереги мою подругу, пожалуйста... Да будет так.

Я не молюсь о своих красных полосах на бледном животе, чтобы хотя бы две алые линии перестали плакать алыми слезами. Засохшие корки разрываются, стоит мне лишь легонько наклониться вперёд.

Я последний раз прохожусь гребнем по своим волосам и выхожу в коридор.

Сегодня мой день искупления, но сестра Мария велела мне принести ведро воды лишь для себя, а убираться вовсе не дала.

Сестра Мариам привычно нажёвывала свою рано постаревшую губу и испепеляла меня взглядом. Злым, диким, пренебрежительным.

Боль несут её руки, но для меня она отдаёт презрение.

Мы идём вдоль длинного коридора, ближе к выходу, где нас ждёт Гарри. Моя ладонь скользит по бетонной стене, но из-за мозолей я почти не чувствую прикосновений.

Марта плетётся впереди меня, и я вижу, как она спотыкается, а ноги не держат её тело. Я хочу взять её за руку, обнять, но боюсь навредить Марте.

Не хочу, чтобы её били прутом, срывали посеревшую сорочку, волочили за волосы, а Гарри кидал в неё камни. Он говорит, что это благое деяние и поможет очиститься сразу двум душам. Искушение за грехи и извержение лишней скверны.

Стопы прижимают травинки к земле, а утренняя роса покалывает щиколотки и щекочет пальцы.

Моё сердце тяготит не только встреча Марты с Гарри.

Отец Иеремия.

Я держу совершенный не мной грех глубоко в душе. В секрете. В тайне. Мои ногти впиваются в старые шрамы на ладонях и мне так мерзко и страшно.

Я хочу закусить внутреннюю сторону губы, но приплюснутые кусочки ещё не успели зажить и иногда сильно ноют. Кажется, после утренней молитвы мои раны во рту были жёлтого цвета.

Может, зеркало дразнится?

Марта замечает моё волнение, как только мы подходим к дверям Монастыря. Я опускаю голову. Не хочу, чтобы она думала обо мне перед... Перед чем-то неизвестным. Страш-

ным.

Мой нос царапает запах вековой пыли, сухого камня и старого, рассыхающегося дерева, а в голову молотом бьют горькая полынь, сухая лаванда, дурмящие смолы и сухие корни.

Глаза жжёт от грязно-жёлтого марева — сотни свечей танцуют в полумраке, заполняя зал горьким туманом, сквозь который батюшка кажется почти воображением.

Меня мутит.

Бетон везде. Вокруг постелей, тарелок с водяной кашей, вёдер с водой. Бетон и есть сам Монастырь.

Просто он прячется за иконами в потемневших медно-золотых окладах. Их многочисленные лики смотрят на меня, давят. Но они не так страшны, как потолок, выложенный мелкими тусклыми зеркалами. В них пляшет пламя свечей грязного цвета, расщепляются силуэты сестёр.

Меня скручивает ужас, когда я вижу двух отцов Иеремя.

Опустив голову, я смотрю перед собой, и моя сутулость исчезает, а шея вытягивается.

Рядом с батюшкой ещё один силуэт. Но это не он.

Длинная, широкоплечая фигура с тёмными волнистыми волосами. Острые черты лица и чёрные глаза. Первородный

мрак, который будет виден, даже если залить его чёрной краской.

Моя голова вжимается в плечи, а осанка портится.

Он заметил меня.

Поймал мой взгляд.

Мне рассекут старые шрамы и выбьют кристальные слёзы, чтобы смешать их с оттенками грязи и алого.

Воскресный ритуал всегда вызывал во мне трепет, но сейчас мои мысли далеки от Господа Отца. Я не могу перебороть свой интерес к человеку, стоящему в тени медно-золотых икон, чуть поодаль батюшки.

Зал покорно склоняет головы перед настоятелем, а я не двигаюсь и поднимаю глаза.

Молодой мужчина, чем-то схожий с отцом Иеремией, смотрит только на меня и его беспросветный мрак оглядывает моё лицо, шею, ключицы, а затем доходит до пола и возвращается к моим глазам.

Я ощущаю чуждое покалывание в груди. Чувствую себя обнажённой и стыдливой, не замечая сорочки, из-под которой торчат острые кости щиколоток.

Искажённое раздвоение его первой формы прерывает меня и что-то тихо говорит. Теперь на меня смотрят четыре глаза.

Я опускаю голову и ёрзаю руками вдоль туловища, делая вид, что покорно отстаиваю службу, как и всегда.

Мой мятежный разум заставляет меня поднять взгляд на

мгновение. Отец Иеремия улыбается, а его силуэт о чём-то угрюмо задумался, уставившись на меня.

Приклонив голову к полу уже десятый раз так точно, я с силой поджимаю пальцы ног, вдавливая их в твердую поверхность. Мой острый подбородок больно впивается в грудь, а щеки закрывают глаза.

— Свет впереди меня, защита позади меня, злой взгляд — мимо меня, — шепчу я.

Всю службу я стояла, не поднимая головы. Грудная клетка бурлит и кипит от острой боли.

Я не слышала ничего. *И не хотела.*

Я думала и думала о своём друге — Марте.

Мы собираемся в ряд, чтобы Гарри отвёл нас к Приюту и я вижу, как он грубо хватает Марту и тащит к себе, чтобы она шла точно по его следам.

У меня закладывает уши, и я хочу, чтобы Гарри не существовало, чтобы его душа обратилась в невидимый пепел, а плоть — в воздушный прах. И все тут же должно развеяться по ветру.

Я чувствую на себе взгляд благолепного мужчины, и повернув голову я вижу, как он смотрит на меня, переводит взгляд на Марту, а затем снова на меня.

Он хмурится.

Ему тоже жаль Марту?

— Сестра Мария, — сухой и низкий голос кувалдой выбивает меня из тёмной дымки мыслей. — Оставьте Ариад-

ну во святой обители. Сын мой, — он кивает на моего надзирателя, — изъявил желание духовно побеседовать с ней и познакомиться ближе. Она ведь у нас единственная из отроковиц, кто ещё не разделила с ним благочестивого общения. Ступайте все с Богом, а Ариадна пускай останется здесь.

Нет.

Нет. Нет. Нет. Нет. Нет.

Я не смогу вырваться из рук двоих фарисеев. Глаза тёмные, злые. Волки в овечьей шкуре.

Сын отца Иеремии подходит вплотную ко мне, забирая кислород вокруг меня, и протягивает руку.

— Пройдём со мной, Ариадна.

Его голос напоминает мне гул набата. Он благозвучный, но суровый, утробный.

Я оборачиваюсь и вижу, что Марты уже нет, как и остальных девушек, а рядом со мной стоит сестра Мария, поглядывая то на меня, то на сына батюшки. Уходить её не тянет.

— Вы же помните, Люциан, о священном обете? — мягкий и бархатистый голос сестры Марии проходит струной вдоль моей плоти.

Священный обет?

— Сестра Мария, позвольте мне отпустить Вас. Ступайте с Богом.

Утробный голос отцовского наследника стал ещё глубже. Словно утробу можно было пробить и залезть ещё глубже, куда не ступит даже сама тьма. Побойтся, не посмеет.

Не уходи, сестра... Умоляю, не оставляй меня здесь! Оглянись, посмотри мне в глаза — мне страшно...

Я тщетно надеюсь, что сестра Мария посмотрит мне в глаза, услышит мои мысли. Но она не смотрит. Она упрямо не смотрит, хоть и точно знает, что я в этом нуждаюсь.

Сестра Мария предала меня.

Та, что была мне родителем, омывала мои разбитые колени, укрывала колючим одеялом в зимнюю пору, ласковым шёпотом учила первой молитве. Я верила каждому её слову и принимала её лёгкие улыбки как высшую благодать. Мария не просто уходит — она предаёт саму суть своего служения. Она исчезает.

— Нет!

Я вскрикнула так сильно, что на секунду мне показалось, будто тысячи зеркал бросаются по моему велению вниз и впиваются в моих хищников, а иконы темнеют и отворачиваются от стоящих здесь, живых.

Словно им стыдно за них.

Словно им жаль меня.

Я несусь к двери, открываю её и толкаю сестру. Старое тело не выдерживает собственного веса — ноги подкашиваются, и сестра Мария валится на сырую землю.

— Я ненавижу тебя! Продажная душа! Твои молитвы больше не поднимутся выше монастырских потолков!

Я хотела бы ещё и плюнуть сверху, но, выплеснув всю злобу ей в лицо, принялась бежать.

Камни впиваются в мои голые ступни, пытаюсь остановить меня.

Те же лгуны. Предатели.

Я едва не падаю, заворачивая вглубь леса. Трава мокрая.
Трава плачет обо мне, как и обо всех нас.

В лесной жизни всегда темно — будь то утро, день, вечер и уж точно ночь. Я бы очень хотела, чтобы тьма прогнала меня, не пускала, отталкивала, но она словно зовёт, машет, вытягивает, обещая уберечь. И я верю этой лесной тьме. Верю больше, чем холодному бетону в любом обличье. Верю больше, чем сплетённым моими руками венкам, деревянным корытам, колючему одеялу. Верю больше, чем сестре Марии.

Ненавижу. Бог тебе судья, гниль монастырская.

Я прижимаюсь спиной к толстому высокому дереву с приятной гладкой корой.

Я не знаю, где нахожусь. Это место неизведанно мне, но я точно понимаю, что забежала достаточно глубоко. Сплошной миртовый цвет смотрит на меня в ожидании объяснения: с чем я сюда пришла и от чего так бежала.

— Бог мой, Отец Всевышний. Разум мой сейчас в тумане, и я теряю путь. Сделай этот лес моим убежищем. Вели деревьям укрыть меня ветвями и спрятать от злых глаз. Приюти меня в моём беспамятстве и сохрани мне жизнь.

Шум листвы стих, а стволы перестали плясать. Прислушались к наказу Господа.

Марта. Моя бедная Марта.

Господи, что же мне делать? Как поступить?

Я топчусь на месте, оторвав спину от гладкой коры. Кора, может, и гладкая, но впиалась в кожу, как второй её слой.

Уж лучше берёз Приюта, о которые меня били затылком несколько лет назад. Они клеймили меня за то, что я скормила свой кусок хлеба птицам.

А сами продали меня! За что хоть продали? За что отказались? Хуже птицы я?

Из моих прикрытых веками глаз текут слёзы и падают на грудь, но дорожки влаги уже не мутные, а лицо чистое, не измазано грязью.

Я пойду дальше, вглубь. Господь подскажет мне, как поступить. А если отвернётся из-за греха моего, то вернусь в свой богомерзкий дом. Выбора в жизни на меня не хватило.

Я разворачиваюсь вправо и врезаюсь во что-то лицом. В кого-то...

В жуткой тряске я поднимаю голову и встречаю глаза Люциана, который выше меня аж на полторы головы.

— Ты веришь в Бога, Ариадна? — шепчет он из глубины утробной.

Я — стены моей спальни, коридоры, Монастырь. Бетон, застывший в одно мгновение, без возможности растекаться дальше. Я смотрю в чёрные глаза и хочу уйти в землю корнями, да такими, что не вырвешь.

— Ты веришь в Бога, Ариадна?

Он задаёт мне этот вопрос ещё раз и, наверное, послед-

ний.

Я в ловушке. Как сказала бы сестра Мариам — в дерьме.

Мой кивок дает ему положительный ответ.

— А в какого?

Этот вопрос перекрывает мне воздух.

Могу ли я ему ответить? Разрешено ли мне? Но кто дал мне этот запрет? Сам Отец мой? Нет.

— В моего, — выдыхаю я.

На лице Люциана появляется улыбка, которая почти сразу переходит в басистый и задорный смех. Задорный, с нотами одержимости.

— Ты не имеешь и малейшего представления, перед кем падаешь на колени, лампада.

Какая дрянь летит из его рта!

— Вы хотите морок на меня навести? Вам не противно богохульство? Вы же...

— Кто? — перебивает меня сын святого отца.

Я мну землю ногами. Корнями я не стану, но, может, зарыться смогу.

— Кто же я, яркая лампада?

Лампада?

Его чёрная одежда начинает пачкать мою белую ткань одним лишь своим приближением. Силуэт, пропитанный монастырским запахом, нависает надо мной и смотрит мне в глаза.

Нужно бежать.

Бог видит меня. Бог слышит меня. Бог чувствует меня.

Ариадна, беги.

— Ты — блудник, как и твой отец. — Я сжимаю челюсть и с ненавистью выплёвываю ему в лицо всё то, что думаю о нём. — Поповский выродок.

Из меня льётся вся эта чернота, но у меня не хватает сил это остановить. Даже несмотря на то, как меня трясёт. Не от холода. От страха.

Меня убьют.

— В стенах нашего Приюта, в стенах Монастыря и даже среди хвойных и лиственных голов ты — прихвостень настоятеля.

Хватит. Остановись.

Беги!

Но лишь самая малая часть накопленного во мне вырывается наружу. Я бью его по лицу ладонью, чтобы преподать последнее благословение, но уже это делают не *они*, а *я*.

Его голова лишь слегка дёргается в сторону, а в глазах появляется новая краска. Чёрная, но ещё чернее.

Я отталкиваюсь ногами и зарываюсь ещё глубже в лес.

— Беги, моя яркая лампада! Я всё равно увижу твой свет!

Я бегу без остановки точно не меньше десяти минут. Меня не трогают деревья, ветки, камни и крохотные капельки дождя, которые уже становятся свинцовыми.

Лишь бы мокрая сорочка вниз не утянула.

Но как бы заступничество леса ни грело моё сердце, я всё

чётче слышу хруст ветвей за своей спиной. Звук становится громче, ярче, ближе. Я бегу изо всех сил, но это не становится моим спасением. Оглянувшись назад, я понимаю, что кроме покровительства чащи и меня самой, никого нет. Но, повернув голову обратно, я резко торможу и сама, пусть и не по своей воле, падаю в объятия Люциана.

— Прости меня, моя яркая лампада.

Оглушительная боль в мгновение пронзает мою голову, проводя линии к плечам. Мои глаза смотрят на его руку, которая осторожно тянется к моей талии. Тьма забирает это касание. Не дав мне возможности даже почувствовать.

Глава 4. Люциан

Я тащу по сырой земле тело миловидной девушки. Я могу быть более нежным и романтичным, но ей явно не стоило бить меня по морде, как одичавшего пса.

Её волосы собирают грязь и цепляют маленькие ветки.

Это не совсем похоже на твои плетёные венки, да, Ариадна?

Её тело неестественно бледное. Я на секунду подумал, что

случайно отправил её душу к Богу, но она всегда отражается мне ярким светом среди серых стен, лживых икон и тёмных людей. Даже когда она спит, её тело так ослепительно впи-
вается в мои глазные яблоки.

Она — само совершенство.

Она просто другая.

Также считает и мой отец, который решил оставить ей метку, как на скотине, чтобы трахнуть и продолжить свой святой род. Он мог продать какую-то из девушек, отдавал честь Гарри, чтобы он смог полакомиться запретным куском, но даже при живой матери он решил, что эта девочка будет возвращаться для него. Он выбрал её сосудом для его наследников, а когда мать ушла к Богу, он абсолютно сошёл с ума.

Дряхлый, старый отец решил, что я, как единственный сын, должен привести её к нему добровольно. Чтобы она сама захотела его морщины, седую голову, скрипучие суставы. Я должен внушить ей, что её вера чиста и Господь выбрал её.

Она святая. Она Чистая.

Невинная блять.

Что я ей скажу, когда она очнётся? Что она должна съесть всю святую жидкость и наполниться ей, потому что так велел сам Бог?

У меня сводит мышцы от чувства омерзения и тревоги. Я много раз видел принятие в глазах отцовских рабынь, неко-

торым из них даже нравилось извиваться на Гарри и моём отце, прыгая на них по очереди.

Я наследник монстра, дающего лжеверу чистым и прозрачным сосудам, но они сами вкушают её, всасывают, обливают и глотают. Никто из них ещё не осмелился украсть и всадить в глотку батюшки остриё. Или, например, отравить его травами. Может, даже удушить, пока он их трахает. Почему-то я чувствую, что не стану оплакивать эту потерю.

Действительно...

Я оборачиваюсь и опускаю бледные ноги Ариадны на землю.

Она и правда меня ударила, сучка.

Я хочу сломать ей что-нибудь, но мой гнев и ярость исчезают, когда я вижу её лицо. Длинные чёрные ресницы, которые местами осыпались из-за боли прожитого. Россыпь веснушек, пухлые губы и острые как клинки ключицы. Отдельное внимание забирает её девичья грудь. Крупные формы с острыми сосками почти прорезают ткань её длинной рубахи.

Я сглатываю. Во мне возрастает странное и теплое чувство жалости к её хрупкому притягательному телу.

Она безумно красива, нежна и напугана. Она светится, как лампада, не только снаружи, но и внутри. Я понимаю, что её наполняют чёрной жижой, испортят её, испачкают.

Светлое породит тёмное.

Чувство злости наступает на глотку чувству жалости. Хочется ногами вбить тело Ариадны в землю, чтобы закончить

этот лживый путь. Чтобы быть единственным наследником отца своего. Я поднимаю Ариадну на руки, и её тело впитывает мои ладони, доказывая мне в очередной раз, насколько оно до стояка аппетитно. Но она умудряется быть достаточно лёгкой, несмотря на свою женскую силу.

Я заносу её в свой дом. Старые половицы скрипят на всю небольшую одноэтажную площадь. Я думаю, куда класть её тело, пока оно не вышло из морока. Даже не собираюсь оставлять её здесь, она не заслуживает очнуться на мягком диване.

Я решаю нести её в погреб, потому что на чердаке есть маленькое окно. Если она включит свой мозг и прижмёт свою грудь вместе с задницей, то спокойно вылезет из него.

Пока Ариадна, как желе, болтается на моём плече, я одной рукой поднимаю тяжёлую крышку. Отверстие в погреб узкое, как и лестница, ведущая вниз. Прогибая и вдавливая пол ногами, я поднимаю вроде бы живое тело за ноги, а затем опускаю его в тёмную яму. Когда я чувствую, что её голова и плечи коснулись бетонного пола, я окончательно отпускаю ноги. Она слегка ударяется, но кости останутся целыми. Я закрываю погреб и задвигаю небольшую, но крепкую щеколду.

Надеюсь, лампада не сможет осветить себе путь. Неизвестно, чем обернётся мне эта оплошность.

Я иду в гостиную к своему личному святому углу. Мой рот медленно открывается, чтобы помолиться Богу. А затем я

резко закрываю его. Аккуратно положив иконы лицом вниз, я улыбаюсь и выхожу из дома.

Глава 5. Ариадна

Я отрываю свой липкий затылок от холодного пола. Алые корки разрывают мою кожу, частично оставаясь на бетоне.

Мне кажется, я не могу шевелить ногами, а от головокружения и агонии во всем теле к горлу подступает желчь.

Законы тьмы нарушает тонкая полоска света на моём животе. Я лежу на полу в каком-то подвале или погребе.

Мне кажется, мои кости ломаются, пока я перекатываюсь на живот, ощущая каждый кусочек своего скелета.. Благодаря Господу, что дал мне сил, я отталкиваюсь руками и встаю на ватные ноги.

Даже несмотря на абсолютную темноту, я чувствую, как меня кружит во все стороны, а в глазах эта тьма разделяется на мелкие воздушные водовороты. Остаётся меньше минуты до падения на задницу, но я успешно ухватываюсь за какую-то деревянную палку.

Мне нужно выбираться, где бы я ни была.

— Бог мой. Враги окружили меня, и я оказалась в западне. Силы мои на исходе, и путь к спасению закрыт. Стань моей крепостью в этот час. Разрушь сети, разорви... Да не могу я молиться Тебе сейчас! Неужели Ты не поможешь? Я уже не могу, всё вокруг сплошное дерьмо. Где Твоя милость? Я же всегда была верна Тебе. Услышь голос мой и яви милость Свою! Хоть раз!

Мой рык перемешивается с болью и злостью. Я бьюсь головой о дерево и случайно цепляюсь свободной рукой за палку чуть выше моих плеч.

Это лестница. Почему-то очень узкая и хрупкая.

Собрав все свои силы, я аккуратно поднимаюсь по лестнице, прощупывая каждый свой шаг и напрягая всю боль под кожей. Пихая рукой крышку своего гроба, я медленно упираюсь лбом в колючие от заноз ступени.

Конечно, он же не идиот совсем.

Я возвращаю ноги на пол, но они не выдерживают моего тела и совершают предательство. Завалившись на бок, я обхватываю руками свои острые колени. Покачиваясь, я не могу сомкнуть своих уст, из которых льётся напев:

Ой, зайчишка мой белёсый,

Что же ты в капкан попал?

Лес стоит кругом безмолвный,

Бог тебя не услышал.

Не грызи, зайчишка, прутья,

Не зови зарю напрасно.

Коль судьба свела с железом —

Тут сбегать уж не удастся.

Я смеюсь, пропитывая бетон своим режущим весельем. А веселье моё сухое и глухое, как хруст костей. По моей щеке стекают слюни, перемешиваясь с пылью и землёй.

Я превращаюсь в беса?

Господь оставил меня после криков моих?

Почему мне сегодня так больно?

Почему не было так мучительно раньше?

Моё лицо впивается в пол, а плоский холод впитывает моё
нытьё.

— Бог мой... Господи... Ты же слышишь? Господи,
Отец... Тут темно. Спаси, Всевышний, Твой агнец... Я...
Кости сестры Марии хрустнули, Господи. Боже, помоги мне!
Защити... Западня, кругом волки, Господи, волки в рясах...
Ты видишь их, Бог мой? Не оставляй меня, Боже... Разум
мой в тумане, Господи, хвойный мрак... Боже, Боже, Боже,
не отдавай меня ему! Защити Всевышний... Господи... Бо-
же мой, Творец... Творило захлопнулось, Господи! Услышь,
Боже... Отец мой... Помилуй... Я брежу, мой разум поки-
дает меня.

Покинул бы точно в следующую секунду, оставил совсем
одну, но я вспоминаю о Марте.

Марта.

Я резко встаю на ноги и растираю слизь по всему лицу,
волосам и шее. Танцы рук в темноте помогают понять, на-
сколько велико пустое пространство. Ноги болезненно на-
щупывают картофель, морковь и какое-то острое зерно. Гос-
подь прощает меня за мерзкие визги и приводит почти за
руку к железному лому в углу пространства.

Нет. Всё-таки идиот.

Боже, спасибо!

Я шустро хватаю лом и возвращаюсь к крышке гроба, со-

вершенно забыв о своей агонии, как физической, так и душевной. У меня есть цель, и смысл моей цели — мой друг Марта.

Моя дорогая Марта.

Я быю железным крюком в потолок, но его будто что-то назло держит с другой стороны. Не хочет пускать жителей изнанки наружу, словно я нечисть какая-то проклятая. Крюком на конце у меня получается залезть в щель, что освещала мне подсказку, и зацепиться за доску. С силой повиснув на железке, я отрываю кусок сухого дерева, едва успевая захватиться другой рукой за тонкую ступеньку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.